

О ЯЗЫКОВОМ МОДЕЛИРОВАНИИ ЗНАНИЯ О ЗРИТЕЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ

И. Ю. Колесов

ON LINGUAL CONSTRUAL OF THE KNOWLEDGE OF VISION

I. Yu. Kolesov

В статье раскрываются особенности концептуализации в языковой картине мира знания о восприятии зрением. Рассматриваются модели репрезентации концепта 'ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ', совокупность которых позволяет выделить категорию перцептивности, анализируемую в таких ее модусах, как номинативный, структурно-системный, категориально-грамматический, прагматический, коммуникативный и модус презентации (эпистемический).

The paper focuses on the lingual models of representing the concept of vision that serve as constituents of the semantic and epistemic category of perception in English and Russian. As a lingual category, perception is discussed as displaying such its modes as nominational, structural-systemic, categorical-systemic, pragmatic, communicative, and the mode of presentation (epistemic mode).

Ключевые слова: перцептивность, концептуализация, конструирование, когнитивная модель, семантическая категория, эпистемическая категория.

Keywords: category of perception, conceptualization, construal, cognitive model, semantic category, epistemic category.

Изучение языкового картирования мира и человеческого опыта освоения мира является одним из предметов в современной полипарадигмальной лингвистической науке, которая обращена к анализу категоризирующей и классифицирующей деятельности сознания, выявляемых на основании языковых данных [20, с. 3 – 15]. Эта научная программа осуществляется в том числе в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, на основе идеи о деятельностной природе языка, и при рассмотрении языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу [21].

Данная статья продолжает изучение вопросов конструирования картины мира с помощью языка в области категории перцептивности [9, с. 58 – 61; 10, с. 108 – 117; 11, с. 19 – 31; 12, с. 16 – 27; 13, с. 302 – 336; 14, с. 33 – 46; 15, с. 121 – 135; 16, с. 5 – 14; 17] на основе ряда методологических принципов. Принцип включения в лингвистический анализ всех феноменов, имеющих отношение к функционированию языка, предполагает обращение к форме высказывания вкупе с механизмом его порождения и его семантическим представлением, т. е. к содержательной (когнитивной) основы высказывания и к тому, что следует за его актуализацией его восприятию, интерпретации и т. д. На основе связи между концептуальной и языковой структурами в когнитивной лингвистике сформулирован принцип перекодирования содержания концептуальной структуры в семантическое и прагматическое содержание знаков языка и проекционных отношений между концептуальной структурой и языковыми структурами: в ходе актуализации мыслительного содержания при помощи механизмов означивания, которыми располагает язык, осуществляется проецирование концептуальной структуры на языковые структуры. Принцип системности языковой ак-

туализации концептуального содержания связан с тем, что в каждом языке представлены специфические способы символизации, т. е. конструирования с помощью системы языковых знаков смысловой задачи как понятия, которое ориентировано для выражения в коммуникации. Способы языковой символизации системно организованы, т. к. системны результаты этого процесса – языковые категории, классы и формальные и лексические парадигмы, семантическая система языка и синтаксическая структура языковых выражений. Семасиологический и ономазиологический анализ вербализации в языке процесса восприятия и его результатов показал значимость учета психологического феномена противопоставленности фона и фигуры. При изучении языковых знаков (какое значение они выражают) и концептуального содержания (в каких языковых формах оно актуализируется) может быть сформулирован известный в когнитивистике принцип фокусировки (профилирования): при актуализации определенная часть концептуального содержания выдвигается на уровень актуального смысла в результате контрастирования с фоном, т. е. с иными элементами концепта. Содержательно-композиционный принцип языковой актуализации зрительного восприятия базируется на том, что концептуальной основой языковых выражений, вербализующих зрительное восприятие, является знание о восприятии как процессе и деятельности человека. При актуализации в языке исследуемого концепта происходит репрезентация отобранного для смысловой задачи «пакета информации», определённой части сохраняемого знания о зрительном восприятии.

Рассматриваемые в данной статье особенности моделирования событий (процессов) перцепции в языке принадлежат сфере языкового картирования действительности. Как известно, языковая картина мира (далее – ЯКМ) создается в различных версиях языковой «привязки» концептуальной картины мира

(далее – ККМ), частью которой является ЯКМ, – в формах языка, в их функционировании, в устройстве отдельных языковых категорий и подсистем. В процессе моделирования и языковой интерпретации концептов или иных форм мыслительного содержания ведущую роль выполняют когнитивные классификаторы, принадлежащие ККМ и определяющие механизмы экспликации, категоризации и объективации образов мира. Когнитивные классификаторы являются системой определенных областей опыта, значимых для категоризации в конкретном языке [22, с. 19 – 20], – иначе говоря, это категории мышления, выявленные на основе данных языка: «Язык не реконструирует действительность в понятийных формах, но фиксирует когнитивное членение, осуществляемое набором когнитивных классификаторов» [24, с. 88]. Таким образом, ЯКМ строится на принципах членения и классификации, складывающихся в ККМ, которая наряду с национально-культурной спецификой имеет универсальные, общечеловеческие компоненты. Единство языка и способов мышления о мире и принципиальное сходство организации языка и общего знания, т. е. того, как можно подумать о мире, отмечал, в частности, Э. Сепир: «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же. <...> Внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта» [25, с. 193; курсив автора].

Моделирование в языке знания о зрительной перцепции нами рассматривается на примере тех способов символизации, которые предлагает язык для репрезентации концепта ‘ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ’. Эти средства совокупно конституируют категорию перцептивности, содержательным ядром которой выступает данный концепт.

Говоря о перцептивности как категории семантики, мы обнаруживаем ее признаки в ряде номинаций, моделирующих определенные области нашего знания о восприятии, а именно процессы/акты восприятия, участников и обстоятельства данных событий в формах лексикализованных концептов: *зрение, глаз, слух, наблюдатель, вид, свидетель, видеть, глядеть, виднеться, подсматривать, недоглядеть, зоркий, зрительный, зримый, наблюдательный, остроглазый, чутко* и т. п. Изучение модуса номинации перцептивности показывает рекуррентность вербализации таких компонентов когнитивной сцены «Восприятие зрением», как «Субъект/Наблюдатель», «Процесс/Акт восприятия», «Объект-перцепт» и «Способ/Характер события восприятия». Характерно, что среди многообразных номинаций указанного вида, группа «Объект восприятия» проработана многообразно как в английском и русском языках и позволяет выделить такие модели репрезентации знания о восприятии, как «Зрительные образы», «Образы пространственных признаков объектов», «Образы формы», «Цветовые впечатления», «Эффекты освещенности» и т. п. Так на примере глагольной лексики английского и русского языков выявлены варианты разнообразного концептуального моделирования в результате проекции когнитивных структур сознания на семантические структуры языка. Концептуальные признаки, получившие

семантизацию в лексических значениях проанализированных английских и русских глаголов, включают следующие:

а) способность, активность, цель восприятия, эмоциональная оценка объекта, размечающие сферу субъекта;

б) направленность, результативность (обнаружение свойств объекта посредством его визуального восприятия), длительность, кратность, совмещенность с ментальной деятельностью, репрезентирующие сферу события зрительного восприятия;

в) появление в поле зрения и топология объекта, описывающие сферу объекта восприятия.

Анализ имен существительных различных групп позволил вычленивать те модели-конструкты, которые языки вырабатывают в своей систематике, например, имена номинальных классов фиксируют признаки восприятия в формате знания о социально трудовой деятельности (*зритель, очевидец, spectator, stargazer, fireguard*). Оба языка демонстрируют особенности и случаи безэквивалентной семантизации концепта (англ. *clock-watcher* – это тот, кто следит за часами (в ожидании окончания работы, наступления условленного времени и т. д.). Действия и события восприятия семантизируются в соответствующих именах – *взгляд, обозрение, scrutiny, glimpse* и т. п. зачастую с инкорпорацией адвербиальных или объектных сем (*gander, scrutiny, descry*). Группа имен, называющих действия и признаки деятельности, ориентированные на внешних наблюдателей как в русском, так и в английском языке вербализуют когнитивную модель «Действие, направленное на восприятие», например, русск. *выставка, демонстрирование, избличение, маскировка, показ, прикрытие, вывеска, проформа, показушничанье*, англ. *camouflage, flaunt, pride, splash, swankiness, show-off* и др. Характер объекта представлен моделью «Динамический объект, пробуждающий отклик или оценку, и разворачивающийся во времени»: *зрелище, коррида, концерт*. Примерами других моделей выступают имена *даль, кругозор* («Устройство поля зрения»), *грушевидность, пластинчатость* («Сравнение форм объектов») и т. п. Модель «Категоризация воспринимаемого пространства» хорошо проработана лексически в английском языке: *cityscape, shorescape, landscape, cloudscape* и т. п., а в русском представлена на уровне словосочетаний с существительным *вид*: *морской/городской вид, вид на облака*, и др. «Положительная/отрицательная оценка объекта по их воспринимаемости субъектом» как когнитивная модель представлена в семантике таких имен, как *невидимка, неуловимость, явь, загляденье, blur, acuity, delicacy, definition, visibleness* и др. Формат статьи не позволяет приводить полные списки лексем, раскрывающих на примере семантизации концепта в словах различных частей речи модели концептуализации знания о восприятии.

Системно-структурный модус категории перцептивности состоит в специфическом преломлении перцептивности в устройстве языка в смысле понятия «мировидения» В. фон Гумбольдта и включает установление говорящим определенных пространственно-временных координат и их соотношение со своей по-

зицией. Эти координаты маркируются формами глагольных грамматических категорий времени, наклона, вида/аспекта, залога, лица, таксиса, указательными местоимениями, частицами (*здесь, von* и т. п.), и другими элементами, передающими локативно-темпоральные значения координат говорящего «здесь и сейчас» (*here-and-now words*). Экспериментальная составляющая деятельности коммуникантов регулярно выражается в моделях построения предложения и способах развертывания текста, которые описываются такими понятиями, как дейксис, анафора, личное пространство говорящего, коммуникативные типы (регистры) речи. Обязательность разграничения в языках статусов говорящего и слушающего, указания на локально-темпоральные координаты как описываемых событий, так и самих участников коммуникации стало универсальным «рефлексом» интерпретации в языковых формах восприятия говорящими пространственно-временных условий своего бытия [18; 19; 26].

В качестве разновидности системно-структурного модуса данной категории в данной работе рассматривается категориально-грамматический модус перцептивности, проявляющийся в том, что перцептивность становится понятийной основой некоторых грамматических значений глагольной аспектуальности. Примерами языковой интерпретации перцептивности могут быть глагольные формы НСВ с признаком «срединного фиксируемого периода» (как в настоящем актуальном: *бежит, снимает, рассказывает* и т. п.), а также категория временного порядка (например, настоящее историческое: *Иду вчера по улице и вдруг вижу, как дорогу перед автобусом перебегает большая собака* [4, с. 519 – 540]. По мнению А. В. Бондарко, интерпретация мыслительных, логических категорий, в частности, перцептивности, происходит в самом языке – этот процесс осуществляется с помощью системно-структурной организации содержательного плана языковых категорий.

Прагматический модус категории перцептивности представлен конструированием пространства наблюдателя. Примерами моделирования пространства наблюдателя выступают такие приемы, как стратегия включения либо невключения говорящего в зону внимания, высказывания. При включении себя в качестве наблюдателя в зону внимания, говорящий сообщает высказыванию вектор интенциональности (высказывания ориентированы на самого говорящего). Такие высказывания отграничены от нейтральных (не указывающих на говорящего), например, при использовании каузативных и декаузативных структур в описании одной ситуации: *He opened the door quietly / The door opened quietly*. В личном пространстве говорящего точкой отсчета выступает телесный опыт человека, включающий и сенсорику, и его ориентацию в пространственных перемещениях, здесь моделируется восприятие самим говорящим-наблюдателем тех событий, которые являются референцией высказываний [3, с. 212 – 216; 7, с. 30 – 36; 27].

Коммуникативный модус категории перцептивности выражается в регулярности выведения субъекта-наблюдателя «за кадр» семантической структуры вы-

сказывания и текста, автором которых он является и в которых представляет содержание своего поля зрения. Средствами моделирования в данном случае могут выступать формы длительного вида глагола в английском языке (прогрессив) и формы НСВ глагола в русском языке с аспектуальным признаком «срединного фиксируемого периода», включающим срединную фазу в протекании действия и период восприятия данной фазы протекания действия наблюдателем (момент речи). Срединная фаза действия является когнитивно определенной «фигурой», которая контрастирует с «фоном» – невыделенными в семантике глагола фазами начала и окончания процесса, т. е. используется не только модель «Наблюдатель – Наблюдаемое», но и модель «Фон – Фигура»:

1. *Через пять минут Степан во весь опор летел на коне в лагерь астраханских стрельцов. Солнце клонилось к западу. Осенней сухой степью в между-речье двигалось войско Разина. Последние медленные, горячие версты ... Родная пыль щекочет ноздри (В. Шукшин).*

В качестве коммуникативной структуры, которая участвует в конструировании образов восприятия в языке, мы рассматриваем репродуктивный коммуникативный регистр развертывания текста. Он служит репрезентации как общей когнитивной модели перцепции «Наблюдатель – Наблюдаемое», так и модели «Фон – Фигура». Блоки репродуктивного (изобразительного) регистра репродуцируют события действительности как непосредственно воспринимаемые органами чувств говорящего-наблюдателя, локализованные в едином с ним хронотопе (реальном или конструируемом) [6, с. 402 – 403]. Высказывания данного регистра могут быть заключены в модусную рамку «Я вижу, как ...», «Я слышу, как ...», «Я чувствую, как ...» [6, с. 29]. Эти параметры выступают «фоном», базисом высказываний, тогда, как сами описываемые в них события репрезентированы как выделенные «фигуры». События, сменяющие друг друга на фоне топохроноса наблюдателя, осознаются по логике когнитивного выделения движущихся фигур, наблюдаемых со стороны. Статус наблюдателя вариативен: это персонаж (2), либо «всезнающий» автор как свидетель денотативной сцены (3):

2. *По улицам с грохотом проносится бронированный автомобиль. Он влетает на площадь, круто разворачивается и, откатившись назад, останавливается против здания, где над подъездом полощется красный флаг. В щелях его амбразур поблескивают на солнце и шевелятся, как усики огромного насекомого, стволы пулеметов. Из автомобиля выскакивают люди в военной форме. Что-то странное и непривычное в облике этих людей. Что именно, – Ленка не успевает сообразить (Л. Пантелеев).*

3. *After watching the traffic on the Embankment for a minute or two with a stoical gaze she twitched her husband's sleeve, and they crossed between the swift discharge of motor cars. When they were safe on the further side, she gently withdrew her arm from his, allowing her mouth at the same time to relax, to tremble; then tears rolled down, and leaning her elbows on the balustrade, she shielded her face from the curious. Mr.*

Ambrose attempted consolation; he patted her shoulder; but she showed no signs of admitting him, and feeling it awkward to stand beside a grief that was greater than his, he crossed his arms behind him, and took a turn along the pavement (V. Woolf).

Таким образом, перцептивность как концептуально-семантическая категория актуализируется в таких своих модусах, как номинативный, системно-структурный, категориально-грамматический, прагматический и коммуникативный.

Говоря о понятийном или эпистемическом определении категории перцептивности, мы осознаем, что выявление какой-либо категории в языке является одной из труднейших задач – главным образом, потому, что языковые категории не принадлежат исключительно языку, будучи одновременно и категориями мышления. Перцептивность как семантическая категория обнаруживается в лексико-семантической и семантико-грамматической подсистемах языка, демонстрируя свою сущность концептуальной категории, имеющей универсальный логический характер, поскольку она основана на отражении и обобщении онтологии бытия человека и его деятельности. Концептуальные категории данного типа противопоставляются понятийным категориям в языке, обобщающим индивидуальные онтологические признаки языковых объектов, и формирующим лингвистические понятия на этой основе [2, с. 32 – 33]. Перцептивность как эпистемическая (гносеологическая) категория в конкретном языке устанавливает границы возможностей, особенностей и свойств данного языка в передаче внеязыкового содержания на основании перцептивной составляющей опыта человека. Приведем в качестве аналогии фиктивную предметность, отражающую результат языковой категоризации имен существительных, которые могут обозначать как предметы, так и непредметные сущности вследствие того, что функционально-синтаксических потребности языка санкционируют транспозицию семантической предметности в предметность категориально-грамматическую. Языковая категоризация, таким образом, имеет два аспекта, о чем свидетельствует членение лексикона на части речи, которые репрезентируют как сами фрагменты действительности, так и формы их концептуализации и вербализации: «Можно полагать, что материал обобщения проецируется в лексическое значение слова, а форма обобщения – в его категориальное значение <...>. Совпадение материала с формой его обобщения имеет своим результатом появление слов чистой категориальной семантики, а несовпадение – слов смешанной категориальной семантики: предметно-процессной (*to host*), процессно-предметной (*a think*), процессно-признаковой (*avoidable*), признаково-процессной (*to redder*), признаково-предметной (*simplicity*)» [8, с. 80 – 81]. Так, предметность как гносеологическая категория способна оформлять как предметность не только осмысление *субстанции*, но и «непредметное» концептуальное содержание: *белизна* (качество), *удивление* (состояние и событие), *взгляд* (действие), *умножение* (процесс), *авария* (событие и результат/состояние) и т. д. Примеры «опредмечивания» в английском языке еще более примечательны,

они охватывают словосочетания и целые предикативные единицы:

4. *It came to me with something of the unreality, the-not-quite-thereness of a fiction (J. Fowles); someone else's umbrella, the heir apparent's name, a week or so's sunshine (Quirk et al. 1982, 93); Old man what-do-you-call-him's house has been painted; A man I know's son has been injured in a railway accident (ibid.).*

Еще В. фон Гумбольдт ввел понятие «форма языка» как способа, особой организации систематически воспроизводимой в языковой субстанции интеллектуальной деятельности говорящих [5, с. 69 – 74]. В частности, он пишет об универсализме в сфере образования слов, где к корням и основам применяются общие логические категории действия, воздействующего, субстанции, свойства и т. д. [5, с. 72]. Языковые категории, таким образом, основаны на приложении к феноменам языка эпистемических (гносеологических) категорий (сформированных в результате познания) в отношении смыслового содержания, которое «ищет» свой путь объективации языковыми средствами. Соответственно, в анализе языка разграничиваются вещи онтологические, т. е. примарные, первородные сущности и вещи эпистемические – познанные признаки онтологических вещей [23, с. 55 – 56].

Таким образом, роль конкретного языка как формы по отношению к мыслительному содержанию, его ориентирующая функция выдвигаются в качестве ведущих факторов языковой вербализации концептуального содержания. Среди многих теоретиков науки Э. Бенвенист и Э. Сепир указывали на роль опыта человека в осмыслении информации и вклад языка в определенную ориентированность в её выражении. По Э. Бенвенисту, говорящий своей речью вновь актуализирует событие и связанный с ним опыт: «Язык воспроизводит мир, но подчиняя его при этом своей собственной организации. <...> Передаваемое содержание (или, если угодно, “мысль”) расчленяется в соответствии с языковой схемой. “Форма” мысли придается ей структурой языка» [1, с. 27]. Э. Сепир акцентирует роль категориального аппарата языка в оформлении смыслового содержания: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным основным концептуальным рубрикам, а некоторые конкретные или полуконкретные значения использовать в функции связующих элементов» [25, с. 87]. Языковые ресурсы имеют границы, тогда как мыслительное, концептуальное содержание целиком не вмещается в языковые формы, о чем также сказал Э. Сепир: «Слово есть только форма, есть нечто определённым образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от “духа” данного языка» [25, с. 49].

Перцептивность гносеологическая, т. е. как категория познания «подводит» под свои содержательные рамки разнородные сущности, например, начало существования (*появился*), движение (*мелькает*), форму

(куполообразный), функцию (*соглядатай, свидетель, наблюдатель, надсмотрщик*), пространство (*необозримый, безграничный*), местоположение объекта в поле зрения (*Дорога сбегает к морю. There were people singing*), сам процесс восприятия (*Молча уставился и смотрит; He ogled at me; We scanned the newcomer for sometime*) и т. д., способствуя при посредничестве восприятия выражению иных смысловых категорий.

Таким образом, эпистемический статус категории перцептивности выявляется в тех случаях, когда под когнитивную модель восприятия подведены иные концептуальные категории, презентация которых осуществляется при помощи перцептивности, и данный модус категории перцептивности обозначается в нашем исследовании как модус презентации.

Известно, что различные языковые категории предназначены для структурирования концептуального содержания, его делимитации с одной целью – вербально осуществить мыслительный акт. Категория перцептивности, репрезентируемая концептом ‘ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ’, в качестве концептуальной категории служит организации знания о восприятии зрением в жизнедеятельности людей и широко представлена лексикой языка. В качестве эпистемической категории перцептивность существенно повлияла на формирование мышления и языка и вместе с другими категориями познания составила когнитивную основу организации языка.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
2. Болдырев, Н. Н. О категориальном аспекте языковой онтологии / Н. Н. Болдырев // Вопросы романо-германской филологии (прагматика и семантика). – Пятигорск, 1994.
3. Болдырев, Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Н. Н. Болдырев // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000.
4. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
5. Гумбольдт, В. фон. О различении строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.
6. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. – М.: Ин-т языкознания РАН: филол. ф-т Моск. гос. ун-та, 2004. – 544 с.
7. Козлова, Л. А. Концепт личного пространства и способы его языковой представленности (на материале английского языка в сопоставлении с русским) / Л. А. Козлова // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 1.
8. Козлова, Л. А. Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке: монография / Л. А. Козлова. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997. – 200 с.
9. Колесов, И. Ю. «Лингвистика видения» и «лингвистика видимого» / И. Ю. Колесов // Мир науки, культуры и образования. – 2008а. – № 3(10).
10. Колесов, И. Ю. К вопросу о роли ментальных моделей в языковых репрезентациях / И. Ю. Колесов // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Серия: Лингвистика. Актуальные проблемы прикладной и экспериментальной лингвистики. – 2008б. – № 556.
11. Колесов, И. Ю. К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка / И. Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008в. – № 2.
12. Колесов, И. Ю. К вопросу о статусе категории перцептивности / И. Ю. Колесов // Антропологическая лингвистика-2. // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. Серия: Антропологическая лингвистика. – 2006. – № 4.
13. Колесов, И. Ю. Концептуализация субъекта зрительного восприятия: коллект. моногр / И. Ю. Колесов // Когнитивные исследования языка; гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – Вып. IV: Концептуализация мира в языке.
14. Колесов, И. Ю. О значимости некоторых когнитивных моделей в языке / И. Ю. Колесов // Филология и человек. – 2007а. – № 2.
15. Колесов, И. Ю. О репрезентации и концептуальном содержании семантической ситуации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) / И. Ю. Колесов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Серия 6: Филология. – 2006б. – Вып. 10.
16. Колесов, И. Ю. О связи между ментальной репрезентацией, концептуализацией референтной ситуации и пропозицией как формами представления знания / И. Ю. Колесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007б. – № 2.
17. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография / И. Ю. Колесов. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 354 с.
18. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 1992. – 210 с.
19. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.

20. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия: Литературы и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2.
21. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
22. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
23. Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1(001).
24. Привалова, И. В. Образ мира, языковая картина мира и этнолингвистическое сознание / И. В. Привалова // Языки и транснациональные проблемы: материалы I Международной научной конференции: в 2 т. – Т. I: (М). – Тамбов, 2004.
25. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
26. Сребрянская, Н. А. Дейксис в единицах языка / Н. А. Сребрянская. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2003. – 136 с.
27. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

Информация об авторе:

Колесов Игорь Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА), 8(3852) 388-444, 903-0721691, igor.kolesov44@gmail.com

Igor Y. Kolesov – Doctor of Philology, Professor of the English Philology Department, Linguistic Institute, Altai State Pedagogical Academy.